

Экономика

Трансформация модели экономического роста в Китайской Народной Республике: современные тенденции и перспективы

© 2014

В. Портяков

Проанализирована эволюция модели экономического роста в КНР в период 1992–2013 гг. Рассмотрены вероятные изменения в годовых темпах роста ВВП и в динамике инвестиций, конечного потребления и экспорта в десятилетней перспективе.

Ключевые слова: КНР, модель, трансформация, экономический рост, темпы прироста, накопление, потребление, экспорт, перспектива на следующее десятилетие

Неуклонное снижение годовых темпов прироста валового внутреннего продукта (ВВП) в Китае в последние годы (10,4% в 2010 г., 9,3% в 2011 г., 7,7% в 2012 г. и 7,7% в 2013 г.¹) существенно актуализирует необходимость определенной корректировки сложившейся в стране модели экономического роста.

Рассматриваемая в политико-экономическом плане, «модель экономического роста» представляет собой комплексное понятие, включающее динамику, композицию основных факторов и тип (экстенсивный или интенсивный) роста народного хозяйства, его структурное наполнение (по подразделениям общественного воспроизводства и по отраслям) и качество роста, отражающееся в ресурсоемкости и экологичности создания и в социальных параметрах использования ВВП.

Модель экономического роста той или иной страны выступает одной из важнейших характеристик модели ее экономического развития. В то же время, первое, будучи существенно уже по содержанию и проще по структуре, не подменяет и не заменяет собой второе. «Модель экономического роста» и «модель экономического развития»² — это не синонимы, а скорее часть и целое, как правило, выступающие самостоятельными объектами исследования³.

Портяков Владимир Яковлевич, заместитель директора Института Дальнего Востока РАН, доктор экономических наук, профессор. E-mail: portyakov@ifes.ras.ru.

Подготовлено при поддержке РГНФ, проект № 14–07–00058 «Развитие Шэньчжэня в условиях смены модели экономического роста в Китае».

I

Проблема корректировки сложившейся модели экономического роста для Китая не нова. В экономической истории Китайской Народной Республики известен целый ряд попыток организовать «большой» или «малый» скачок в темпах роста. Их негативные последствия не однажды приходилось преодолевать с помощью специальной политики «урегулирования» нарушенных народнохозяйственных диспропорций, прежде всего, между накоплением и потреблением, между подразделениями общественного воспроизводства (раньше чаще говорили о пропорциях между сельским хозяйством, легкой и тяжелой промышленностью). В то же время в 1950-е — 1980-е годы главным лимитирующим фактором роста выступали инвестиции, тогда как богатые трудовые ресурсы страны казались неисчерпаемыми. А возможный ущерб окружающей среде как побочный результат экономического роста до поры до времени просто не принимался во внимание.

Впервые о необходимости трансформации модели экономического роста и переходе от опоры на экстенсивные факторы к опоре главным образом на интенсивные факторы роста китайское руководство заговорило на рубеже 1980-х — 1990-х годов. В немалой степени это было обусловлено неблагоприятной внешней средой для развития КНР после тьяньаньмэньских событий лета 1989 г. Резкий спад притока иностранных инвестиций в страну вкупе с кратковременным доминированием консервативных антирыночных настроений в правящих кругах имел результатом падение темпов прироста ВВП до минимальных значений за весь период реформ: 4,1% в 1989 г. и 3,8% в 1990 г.⁴ Появление в такой ситуации идеи большего акцента на эффективное и интенсивное использование внутренних факторов роста казалось достаточно естественным и было призвано оправдать выдвижение на пятилетие 1991–1995 гг. весьма скромного для Китая ориентира среднегодового прироста ВВП в 6%. Однако после запуска в стране более радикальных реформ рыночного типа, на чем настоял Дэн Сяопин в начале 1992 г., экономика Китая получила дополнительную внешнюю и внутреннюю ресурсную подпитку, что на ряд лет отложило идею корректировки традиционной модели роста.

Вновь вернуться к ней заставил азиатский финансовый кризис и стартовавшая непосредственно за ним — с 1999 г. — самая тяжелая фаза реформы государственных предприятий с высвобождением крупных контингентов рабочих и служащих. В конце 1990-х — начале 2000 гг., т.е. в период премьерства Чжу Жунцзи, темпы экономического роста в КНР заметно снизились по сравнению с предшествующим периодом (см. Таблицу 1).

Таблица 1.

Прирост ВВП КНР в 1999–2002 гг.

Год	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002
Прирост	14,2	14,0	13,1	10,9	10,0	9,3	7,8	7,6	8,4	8,3	9,1

Источник: Краткая статистика Китая 2013 [Чжунго тунцзи чжайяо 2013]. Пекин, 2013. С. 25.

Однако желание сохранить в непростых внутренних и внешних условиях приемлемые темпы развития, найти пути смягчения обострившейся социальной напряженности побудило буквально «скрести по сусекам», то есть использовать по максимуму весь имевшийся внутренний потенциал роста. Итогом этих усилий стало улучшение пропорции между накоплением и потреблением, нашедшее объективное отражение в обобщенных статистических данных (см. Таблицу 2)

Прежде всего обращает на себя внимание повышение доли конечного потребления в ВВП до уровня выше 60% в 1999–2001 гг. — на 2–3 процентных пункта выше, чем в период ускоренного реформаторства 1993–1996 гг. Во-вторых, до более приемлемых

значений снизилась норма накопления (минимум в 35,3% был достигнут в 2000 г.). Ни по потреблению, ни по накоплению оптимальной для КНР уровень достигнут не был, но важен уже сам по себе позитивный сдвиг в соотношении между ними в пользу потребления, говорящий и о реальных подвижках в модели экономического роста в этот период.

Таблица 2.

Структура использования валового внутреннего продукта в Китае в 1992–2002 гг. (%)

Наименование	Конечное потребление	Формирование капитала	Чистый экспорт товаров и услуг
1992	62,4	36,6	1,0
1993	59,3	42,6	- 1,9
1994	58,2	40,5	1,3
1995	58,1	40,3	1,6
1996	59,2	38,8	2,0
1997	59,0	36,7	4,3
1998	59,6	36,2	4,2
1999	61,1	36,2	2,7
2000	62,3	35,3	2,4
2001	61,4	36,5	2,1
2002	59,6	37,8	2,6

Источник: *Краткая статистика Китая 2013 [Чжунго тунцзи чжайяо 2013]*. Пекин, 2013. С. 35.

Эта позитивная тенденция, однако, не получила продолжения во время пребывания у власти четвертого поколения лидеров КНР, то есть Ху Цзиньтао и Вэнь Цзябао. Напротив, период 2003–2012 гг. в целом характеризуется повышением и сохранением на аномально высоком уровне нормы накопления и поддержанием на заниженном уровне показателя конечного потребления в ВВП Китая. За высокие темпы роста в эти годы стране пришлось заплатить серьезными диспропорциями в экономике (см. Таблицу 3).

Таблица 3.

Годовые темпы прироста и структура использования ВВП КНР в 2003–2012 гг.

Наименование	ВВП	Конечное потребление	Формирование капитала	Чистый экспорт товаров и услуг
	прирост, %	доля, %	доля, %	доля, %
2003	10,0	56,9	41,0	2,1
2004	10,1	54,4	43,0	2,6
2005	11,3	53,0	41,5	5,5
2006	12,7	50,8	41,7	7,5
2007	14,2	49,6	41,6	8,8
2008	9,6	48,6	43,7	7,7
2009	9,2	48,5	47,2	4,3
2010	10,4	48,2	48,1	3,7
2011	9,3	49,1	48,3	2,6
2012	7,8	49,1	48,1	2,7

Источник: *Краткая статистика Китая 2013 [Чжунго тунцзи чжайяо 2013]*. Пекин, 2013. С. 25, 35.

После прихода к власти Си Цзиньпина экономическая политика предшественников стала подвергаться в Китае определенной критике за одностороннюю погоню за тем-

пами роста в ущерб комплексному развитию и за фактический отказ от проведения назревших реформ. Не вдаваясь в детальный анализ данного сюжета, отмечу, что итоги экономической политики Ху Цзиньтао — Вэнь Цзябао и в самом деле оказались весьма противоречивыми. Неоднократные декларации о неотложности трансформации модели экономического роста в стране и достаточно качественная концептуальная разработка ориентиров и методов ее осуществления (например, в Программе экономического и социального развития КНР на XII пятилетку 2011–2015 гг., в Программе развития науки и техники на 2006–2020 гг.) не были адекватно реализованы на практике.

Здесь, на мой взгляд, сыграл свою роль целый ряд причин. Вступление КНР во Всемирную торговую организацию дало серьезный дополнительный рынок сбыта продукции многих отраслей китайской промышленности с избыточными производственными мощностями. Настоящая товарная экспансия Китая на мировой рынок, нашедшая коварное отражение в аномально высокой доле в ВВП чистого экспорта (7,5% в 2006 г., 8,8% в 2007 г. и 7,7% в 2008 г.), не только принесла стране позицию одного из лидеров глобальной торговли, но и обусловила сохранение чрезмерного крена общей комбинации факторов экономического роста в пользу экспорта.

На погоню за высокими темпами роста объективно работала сама по себе стратегия долгосрочного экономического развития страны, принятая в начале 2000-х годов. Речь в первую очередь идет о задаче построения к 2020 г. среднезажиточного общества и ее цифровом «оформлении» — увеличении ВВП страны за 20 лет в четыре раза. Свою лепту внесли начатые в эти годы программы «большого освоения» западных территорий и возрождения промышленной базы на северо-востоке Китая. Сегодня уже можно задним числом констатировать, что в 2000-е годы Чжуннаньхай не справился с аппетитами региональных элит, стал скорее потакать им, нежели жестко противодействовать или хотя бы сдерживать.

Сказалась и возросшая зависимость глубоко втянувшегося в глобализацию Китая от ситуации в мировой экономике. По свидетельству китайских аналитиков, к серьезному переформатированию первоначально задумывавшейся экономической политики Ху Цзиньтао и Вэнь Цзябао пришлось прибегнуть уже в первый год их лидерства⁵. И дело не только в эпидемии атипичной пневмонии, повлекшей серьезные незапланированные расходы, но и в резком ухудшении для КНР мировой экономической конъюнктуры, в первую очередь из-за существенного роста цен на нефть после вторжения США в Ирак. Вместо планировавшегося активного проведения реформ главной для Китая стала тогда задача сохранения темпов роста и устойчивости народного хозяйства.

Крупный пакет мер стимулирования экономического роста с целью противодействия мировому экономическому кризису в 2008–2009 гг., позволивший сохранить достаточно высокие темпы прироста ВВП (соответственно, 9,6 и 9,2%) имел и серьезные негативные последствия: норма накопления в КНР подпрыгнула на новый, еще более высокий уровень — с 41,6% в среднем за 2005–2007 гг. до 43,7% в 2008 г., 47,2% в 2009 г. и более 48% в 2010–2012 гг. То есть крен в факторах роста в сторону инвестиций не только не ослаб, но, напротив, еще более усугубился.

Однако, похоже, задачи сохранения желаемых темпов экономического роста даже столь внушительная инвестиционная накачка уже не решает. После выхода в течение шести из десяти лет правления Ху Цзиньтао — Вэнь Цзябао на двузначные цифры прироста ВВП Китай сталкивается ныне с достаточно существенным снижением этого показателя: прирост ВВП в 2012 г. составил 7,8% (позднее прирост пересмотрен и снижен до 7,7%), в 2013 г. — 7,7%.

При этом, по оценке Международного валютного фонда, сделанной в июле 2013 г., без корректировки действующей модели экономического роста с ее чрезмерной опорой на экспорт и инвестиции в инфраструктуру темпы прироста ВВП в Китае уже

после 2018 г. могут упасть до 4%⁶, что негативно сказалось бы как на реализации долгосрочных целей развития, так и на социальной стабильности в стране.

Именно поиском путей сохранения приемлемых темпов прироста ВВП и объясняется в первую очередь нынешний разворот в Китае к практической модификации сложившейся модели экономического роста.

II

Современное видение китайским руководством задачи смены модели экономического роста довольно полно отражено в ряде официальных документов, прогнозах ученых и выступлениях лидеров страны последних лет. XII пятилетняя программа экономического и социального развития КНР, принятая 14 марта 2011 г., охарактеризовала пятилетие 2011–2015 гг. как «ключевой период ускорения трансформации способа развития экономики». Ведущую роль в деле корректировки модели роста программа отвела «стратегическому урегулированию» структуры производства, в рамках которого были особо подчеркнуты задачи «формирования механизма расширения внутреннего спроса, ускорения развития новых стратегических отраслей и сферы услуг». «Важная поддерживающая функция» закреплялась за научно-техническим прогрессом и инновациями, а «обеспечение и улучшение жизни народа» по традиции было объявлено «исходным и конечным пунктом» смены способа развития экономики. Был намечен и ряд конкретных задач совершенствования структуры экономики, повышения ее социальной отдачи и снижения ресурсоемкости. В их числе — увеличение за пять лет доли добавленной стоимости в сфере услуг в ВВП страны на 4 процентных пункта, показателя урбанизации — также на 4 процентных пункта, снижение удельных затрат воды на выработку единицы добавленной стоимости в промышленности на 30% и энергозатрат на производство единицы ВВП — на 16%, обеспечение прироста среднедушевых располагаемых доходов горожан и чистых среднедушевых доходов жителей деревни не менее 7% в год, и т.п.⁷

В концептуальном плане проблемы перехода к новой модели экономического роста были наиболее фундаментально проработаны в обстоятельном докладе «Китай 2030. Построение современного гармоничного и креативного общества высоких доходов». Он был подготовлен совместно Всемирным банком и Центром исследования проблем развития Госсовета КНР и впервые представлен на специальной конференции в Пекине в ноябре 2011 г.⁸ В работе сформулированы шесть основных задач, которые должен решить Китай для продолжения успешного роста. Это структурные реформы с целью усиления рыночных основ экономики, формирование открытой инновационной системы, ускорение «зеленой экономики», развитие системы социального обеспечения с гарантиями для всех слоев населения, укрепление финансовой системы, дальнейшее углубление взаимодействия с мировой экономикой.

На каждом из этих направлений имеется немало серьезных препятствий. Так, ущерб от деградации окружающей среды в КНР оценивается в докладе в 9% ВВП. Расходы страны на образование в 2008 г. составили 3,7% ВВП по сравнению с 5,4% в странах-членах ОЭСР, а на социальную защиту — всего 4,7% против 15,2%. Этот ряд легко продолжить.

Комплексные последовательные усилия должны будут, по мнению авторов доклада, привести к снижению доли накопления и росту доли потребления в ВВП до существенно более рациональных по сравнению с нынешним уровнем значений (см. Таблицу 4).

В любом случае, однако, прогноз лишний раз подчеркнул долговременность и непростой характер процесса трансформации модели экономического роста в Китае.

Пятое поколение лидеров КПК и КНР, занявшее руководящие посты по итогам XVIII съезда правящей Коммунистической партии Китая (ноябрь 2012 г.) и первой сессии Всекитайского собрания народных представителей двенадцатого созыва (март

2014 г.), в целом солидаризировалось с унаследованной от предшественников задачей трансформации модели экономического роста в стране, но стало искать и предлагать свои собственные подходы к путям ее решения.

Таблица 4.

Прогноз динамики показателей накопления и потребления в ВВП Китая

Период	1995-2010	2011-2015	2016-2020	2021-2025	2025-2030
Доля формирования капитала в ВВП на конец периода, процентов	46,4	42	38	36	34
Доля потребления в ВВП на конец периода, процентов	48,6	56	60	69	66

Источник: *China 2030: Building a Modern, Harmonious, and Creative High Income Society — The World Bank; Development Research Center of the State Council, the People's Republic of China. Washington, 2012. P. 89.*

Весьма показательным в этом отношении стало выступление премьера Госсовета КНР Ли Кэцзяна перед делегатами 16-го Всекитайского съезда профсоюзов 21 октября 2013 г. Поскольку в нем были даны некоторые новые или нестандартные трактовки ряда актуальных проблем экономического развития Китая, то в зарубежных СМИ после этого закрепился термин «ликономика», т.е. «экономическая политика по Ли Кэцзяну», впервые употребленный экономистами инвестбанка «Barclays Capital» в июне 2013 г.

Особого внимания заслуживает трактовка премьером проблемы темпов экономического роста в Китае. Он ввел понятия верхнего и нижнего пределов колебания темпов годового прироста ВВП в стране (буквально — «потолка и пола»). В качестве минимально возможного показателя назван прирост в 7–7,5%. Только при таком приросте Китай, как утверждал Ли Кэцян, способен ежегодно трудоустраивать не менее 10 млн новых работников — а такая необходимость сохранится в обозримой перспективе хотя бы по причине динамичного роста уровня урбанизации.

Потолок годового прироста ВВП в Китае определяется в первую очередь задачей не превысить уровня роста потребительских цен в 3,5%, с тем чтобы минимизировать воздействие роста цен на жизнь населения, особенно беднейших слоев (около 50 млн чел. на селе и 20 млн чел. в городе, живущих на пособия). Практически этот потолок также близок к показателю в 7,5%. По мнению Ли Кэцзяна, если для Китая такие среднегодовые темпы прироста ВВП считаются средними (в сравнении с показателями двузначного роста, т.е. более 10%, достигнутыми ранее), то на общемировом фоне они остаются высокими. Как бы то ни было, благодаря некоторому снижению темпов роста, которых, впрочем, вполне достаточно для достижения к 2020 г. уровня «первичной зажиточности», Китай получает возможность сосредоточиться на урегулировании структуры экономики, освобождении от избыточных мощностей, прежде всего в некоторых отраслях тяжелой промышленности, развитии энергосбережения и улучшении охраны окружающей среды, на повышении качества роста в целом⁹.

В китайских СМИ с середины 2013 г. активно заговорили о «прощании страны с эпохой восьмипроцентного роста»¹⁰, о необходимости поддержания «рационального роста», «баланса темпов и качества» и избегания темпов, «от которых потом болят кости»¹¹.

В долговременной перспективе разностороннее содействие трансформации модели экономического роста должен оказать комплекс мероприятий по углублению в Китае преобразований рыночного типа, сформулированный в принятом 3-м Пленумом ЦК КПК 18-го созыва 12 ноября 2013 г. «Решении ЦК КПК о некоторых важных вопросах всестороннего углубления реформы». В частности, непосредственное влияние на модификацию модели роста будут оказывать поощряемые «Решением» активизация инвести-

ционной деятельности предприятий негосударственных форм собственности, реформа системы первичного распределения и совершенствование системы перераспределения доходов, призванные сократить межрегиональные и межотраслевые разрывы в уровне доходов. В конечном итоге, как констатируется в «Решении» (пункт 44), в Китае должна сформироваться архитектура доходов типа «регбийного мяча» — то есть с небольшой долей лиц с очень высокими и очень низкими доходами при доминировании граждан со средними для общества доходами. Важную роль как в реализации принципа социальной справедливости, так и в стимулировании потребления (через сокращение доли средств, направляемой в сбережения) призвано сыграть создание устойчивой диверсифицированной системы социального обеспечения¹².

В целом, похоже, современное китайское руководство представляет трансформацию модели экономического роста как сугубо постепенный, долговременный процесс, призванный мало-помалу выправить перекосы и по максимуму сохранить сильные сравнительные преимущества сложившейся модели и характерные для нее высокие по общемировым меркам темпы роста. Показательно, что в отличие от зарубежных экспертов, как правило, говорящих о переходе Китая от инвестиционной или экспортно-ориентированной модели роста к опоре на внутренний потребительский спрос как главный фактор роста, в самой КНР акценты часто расставляются несколько иначе, не столь прямолинейно и однозначно. Так, ведущий политический еженедельник Китая журнал «Ляован» уподобил народное хозяйство страны трехколесному автомобилю, где каждое «колесо» — потребление, инвестиции и сбыт на мировом рынке — играет незаменимую роль. Базовая роль принадлежит потреблению, и в дальнейшем она будет усиливаться. Однако на нынешнем этапе индустриализации и урбанизации инвестициям принадлежит ключевая роль в обеспечении экономического роста. А спрос со стороны внешнего рынка помогает стабилизировать занятость и «переварить» избыточные производственные мощности. Так что экспорт выступает важной «подпоркой», от которой нельзя бездумно отказаться¹³. Словно иллюстрируя последнюю мысль, премьер Ли Кэцян в вышеупомянутом выступлении на съезде профсоюзов отметил, что в экспортном секторе страны непосредственно занято 30 млн человек, а вместе со смежными производствами — до 100 млн человек. А в докладе о работе правительства на 2-й сессии ВСНП 12-го созыва он почти дословно повторил формулировку «Ляована» о базовой роли потребления и ключевой роли инвестиций¹⁴.

III

Вполне естественно, что основные концептуальные представления о трансформации модели экономического роста заметно конкретизируются в разработках китайского научного сообщества и в той или иной мере корректируются в практике реального текущего функционирования народного хозяйства.

Одним из центральных неизменно является вопрос о *темпах* прироста ВВП страны в ближайшее время, в среднесрочной и долгосрочной перспективе.

По мнению ученых, Китаю предстоит всесторонне адаптироваться к переходу от высоких темпов роста к их постепенному снижению. Как полагает один из ведущих экономистов КНР Лю Шучэн, этот процесс последовательно пройдет несколько этапов. В настоящее время КНР от «высоких темпов прироста» переходит к «средне-высоким», а далее пройдет через этапы «средних», «средне-низких» и «низких» темпов. По его мнению, «рациональным» в ближайшие годы был бы годовой прирост ВВП в диапазоне от 7,5% до 9%¹⁵.

Если ранее основная задача макроэкономической политики состояла во всемерном сдерживании темпов роста экономики в верхних границах, то ныне, напротив, она заключается в предотвращении снижения прироста ниже условной нижней грани-

цы. Как показала экономическая ситуация первой половины 2013 г., такая угроза вполне реальна, давление факторов, действующих в пользу снижения темпов роста, весьма значительно. Поскольку замедление прироста ВВП породило такое негативное следствие, как неудовлетворительное поступление финансовых доходов в центральный бюджет, и, кроме того, дало повод для широкой циркуляции в мире слухов о «жесткой посадке» и даже «крахе» китайской экономики, то китайскому руководству пришлось предпринять меры по «стабилизации роста, урегулированию структуры и содействию реформам». В их числе называются ускорение железнодорожного строительства, ликвидация части городских трущоб, стимулирование экономии энергии и защиты окружающей среды, потребления информационных продуктов и услуг, а также политика развития городской инфраструктуры и сети услуг для пожилых людей. Уже в июле—августе 2013 г. положение стало выправляться, и прирост ВВП с 7,5% во втором квартале увеличился до 7,8% в третьем квартале¹⁶.

По мнению Лю Шучэна, главный резерв поддержания страной желаемых темпов роста состоит в полном использовании потенциала развития, вытекающего из «двух разрывов», ныне существующих в Китае. Первый из них — это разрыв в уровне среднедушевых доходов между регионами страны. Его постепенное преодоление предоставляет значительное пространство для будущего роста экономики.

Второй разрыв — между городом и деревней. Фактически показатель урбанизации в КНР в 2012 г. достиг 52,5%, но городскую прописку имеют лишь 35% жителей страны. Как полагает ученый, общее повышение уровня урбанизации и, особенно, ее качества — то есть «лечение» многочисленных «городских болезней», решение жилищных и социальных проблем сельских мигрантов и т.п. — будет способствовать одновременно трансформации модели и поддержанию требуемых темпов роста, увеличению и потребления, и инвестиций¹⁷.

Что касается прогноза темпов прироста экономики страны в средне- и долгосрочной перспективе, то различные группы китайских ученых дают в настоящее время близкие оценки. Так, ученые-экономисты Академии общественных наук Китая в последней по времени «Синей книге по экономике» за 2014 г. оценивают среднегодовой прирост ВВП в пятилетке 2011–2015 гг. в диапазоне 7,8–8,7%, в 2016–2020 гг. в 5,7–6,6% и в 2021–2030 гг. — в 5,4–6,3%¹⁸. А в прогнозе экономического роста в Китае на период 2014–2023 гг., подготовленном учеными Центра исследования проблем развития при Госсовете КНР во главе с Лю Шицзином, предсказывается постепенное снижение темпов прироста ВВП страны с 7,5% в 2014 г. до 6,9% в 2016 г., 6,3% в 2020 г., 5,8% в 2021 г. и до 5,5% в 2023 г.¹⁹

В деле трансформации модели экономического роста в Китае одно из ведущих мест отводится внутреннему *спросу*. На 2-й сессии ВСНП 12-го созыва Ли Кэцян призвал к полному выявлению огромного потребительского потенциала населения страны и назвал ряд мер, призванных этому способствовать. Среди них повышение доходов населения, наращивание информационного потребления и потребления в сфере услуг, в т.ч. в сфере здравоохранения, туризма, культуры и т.п. Журнал «Ляован» прогнозирует, что в будущем Китай превратится в крупнейший потребительский рынок мира: в 2015 г. объем розничного товарооборота в стране может достичь 30 триллионов юаней (в 2013 г. 23,78 трлн²⁰), в 2020 г. — от 50 до 60 триллионов юаней. Сюда надо добавить 4 трлн долл. экспорта (в 2013 г. 2,21 трлн долл.) плюс объем обращения на рынке материальных ценностей, вдвое превышающий ВВП...²¹. Вероятно, эти цифры нуждаются в уточнении, но факт остается фактом: близкие к правительству эксперты в Китае предрекают неуклонный поступательный рост доли потребления в ВВП. К примеру, по прогнозу Центра исследования проблем развития при Госсовете КНР на 2014–2023 гг., опубликованному в апреле 2014 г., доля потребления в расходах ВВП должна с 49,6% в 2014 г. увеличиться до 52,6% в 2017 г., 58,2% в 2021 г. и 61,2% в 2023 г.²²

В то же время тезис о ведущей и возрастающей роли внутреннего спроса и потребления в экономической динамике грядущих лет не пользуется всеобщей поддержкой. Крайней здесь является та точка зрения, что сама идея переноса акцента в факторах экономического роста на спрос придумана на Западе с целью затормозить развитие китайской экономики²³. Однако высказываются и более аргументированные оговорки и возражения. Так, эксперт Государственного информационного центра Нью Ли отмечает: базовая роль потребления связана с тем, что оно представляет собой конечный спрос и в короткий срок не может ни вырасти, ни упасть значительно. Поэтому потребление делает экономический рост стабильным, устойчивым. Инвестиции же являются промежуточным спросом, и без них крайне трудно было бы подготовить и запустить в действие многие «точки роста» в экономике²⁴.

Во многом неясным является вопрос о реальном платежеспособном спросе населения, о том, насколько велик его потенциал. Солидный объем банковских вкладов жителей Китая (в 2012 г. 39,95 трлн юаней при ВВП 51,93 трлн юаней), структура расходов жителей города и села, их пока еще относительно невысокая обеспеченность такими предметами длительного пользования, как автомобили (в городе 21,5 машин на 100 семей, по селу данных нет) могут привести к выводу о наличии значительных резервов роста потребления в стране²⁵. Однако вряд ли это и на самом деле так: ведь как показывают исследования распределения доходов в КНР, половина семей не имеет каких-либо сбережений в банках и тратит деньги лишь на самое необходимое²⁶.

Более того, ряд ученых ставит под сомнение саму достоверность статистических данных о доходах и потреблении. По оценке Ван Сяолу из Национального института экономических исследований, в 2008 г. совокупный располагаемый доход населения Китая, направленный на потребление (включая строительство жилья за счет собственных средств) и сбережения, составил 22,1–22,6 трлн юаней, тогда как статистические данные, базирующиеся на выборочных обследованиях подворного (семейного) дохода, дают величину лишь в 13 трлн юаней²⁷. Скорее всего, разница отчасти объясняется крупными размерами «серых доходов» в Китае, которые, как показал тот же Ван Сяолу в другой своей работе, сконцентрированы главным образом в группах населения с высокими официальными доходами. Так, в 2008 г. на 10% горожан с наивысшими официальными доходами пришлось 62,5% всех «серых доходов», а на 20% горожан с наиболее низкими доходами — лишь 0,4% общей массы «серых доходов»²⁸. Главный вывод из всего этого, наверное, состоит в том, что «резервное пространство» наращивания потребительского спроса в Китае не столь велико, как принято считать и как кажется на первый взгляд.

Повышение доли потребления и адекватное снижение *нормы накопления* в распределяемом валовом внутреннем продукте является стержнем всего процесса трансформации модели экономического роста. Вполне естественно, что Центр исследования проблем развития Госсовета КНР прогнозирует снижение нормы накопления с 47,6% в 2013 г. до 44,6% в 2017 г., 40,7 в 2020 г., 39,0 в 2021 г. и 36,0% в 2023 г.²⁹

В то же время в Китае прекрасно осознают огромную инерционность инвестиционного процесса, «усугубляемую» весьма жестким противодействием региональных элит любым попыткам умерить их инвестиционные аппетиты. Поэтому достаточно типичными представляются заявления о необходимости изменять пропорцию между инвестициями и потреблением сугубо постепенно, в ходе будущего развития и реформ, делая упор на повышении эффективности инвестиций³⁰.

Директор института экономики и финансов Финансового университета Шанхая Чжао Сяолэй полагает, что с теоретической точки зрения потребление не может определять экономический рост. Самым главным источником и мотором роста экономики является накопление капитала и инвестиции. Другие факторы производства — и повышение производительности труда, и научно-технический прогресс — реализуются через вложение капитала. Основная проблема, по мнению Чжао Сяолэя, заключается не в

будто бы существующей несбалансированности норм накопления и потребления, а в отсутствии баланса прав и ответственности в инвестиционной политике и инвестиционных действиях местных правительств. Они не регулируются рыночными механизмами, что часто ведет к неэффективности капиталовложений. К тому же финансовая ответственность за результаты инвестиций сплошь и рядом отсутствует. Именно эту практику и следует реформировать³¹.

На наш взгляд, достаточно противоречивая ситуация с капиталовложениями в Китае может сохраняться еще какое-то время. Меры по стимулированию притока «народного» капитала (т.е. средств населения и предпринимателей) в ранее закрытые для него отрасли действуют в пользу дальнейшего наращивания объема совокупных общественных инвестиций. Вместе с тем, массовый выход местных правительств на опасный уровень задолженности³², ставший на данный момент одной из самых острых текущих проблем в экономике КНР, побуждает китайское руководство прибегнуть к «драконовским мерам» по упорядочению инвестиционной сферы.

Крупномасштабный экспорт товаров остается важной составной частью нормального функционирования экономики КНР. Кроме того, он играет незаменимую роль в укреплении позиций Китая в мировой экономике, а фактически и в мировой политике.

В последние годы стали чаще встречаться суждения о не столь значительной, как следует из соотношения объемов внешней торговли и валового внутреннего продукта, роли экспорта в обеспечении экономического роста в Китае. Они отчасти связаны с призывами и пожеланиями перенести здесь центр тяжести с инвестиций и экспорта на внутреннее потребление. Многих водит в заблуждение и сравнительно небольшой вес чистого экспорта в ВВП страны.

Полагаю, прояснить картину может показатель доли экспорта в суммарном объеме производимой в стране продукции. Условно ее можно принять равной юаневой сумме общественного розничного товарооборота, инвестиций в основные фонды и экспорта товаров за границу (см. Таблицу 5).

Хорошо видно, что в 1980-е годы, в начальный период запуска политики внешнеэкономической открытости, доля экспорта была небольшой — в диапазоне 9–13% с постепенным повышением. «Первую скрипку» играла розничная торговля (50–60%), а на инвестиции приходилось примерно 30%. В 1990-е годы доля экспорта в массиве произведенной в Китае продукции выходит на уровень 20%, доля розничной торговли снижается до 45%, а доля инвестиций повышается до 35%. Именно это соотношение — 20:45:35 — многие китайские ученые-экономисты называли близким к оптимуму.

Плюсы членства во Всемирной торговой организации дали Китаю возможность пережить своего рода «золотой век» наращивания экспорта: в период 2003–2008 гг. его доля в экономике варьировала в диапазоне 25–29%. При этом доля инвестиций возросла до уровня 40% и более, а доля розничной торговли постепенно опустилась до 30%. Огромная инвестиционная накачка экономики Китая с конца 2008 г. подбросила долю инвестиций в анализируемой триаде до уровня 50% и более, опустив долю экспорта до 20%. Предполагаю, что в интересах Китая удержать ее на этом уровне.

Совершенно очевидно, что страна, ставшая в 2013 г. экспортером номер один в мире (2,2 трлн долл.), не собирается сокращать экспорт. Более того, учреждение в Шанхае зоны свободной торговли призвано обеспечить экспериментальную и законодательную отработку углубления взаимодействия КНР с мировым рынком.

Тем не менее, дальнейшее наращивание Китаем экспорта обещает не быть столь же динамичным, что и в «нулевые» годы. Будет отрицательно сказываться как общее замедление темпов роста мировой торговли, так и растущее стремление многих стран активнее противодействовать экспортной экспансии Пекина. Поэтому прогноз Центра исследования проблем развития при Госсовете КНР о примерно 10-процентном среднегодовом приросте объема экспорта страны в следующие десять лет излишне оптимистичен³³.

Таблица 5.

Соотношение объемов и долей розничной торговли, инвестиций и экспорта в экономике Китая (млрд юаней/процентов)

Год	Розничная торговля	Инвестиции и основные фонды	Экспорт	Сумма	Доля		
					Розничная торговля	Инвестиции и основные фонды	Экспорт
1981	235,0	96,1	36,8	367,9	63,9	26,1	10,0
1982	257,0	123,0	41,4	421,4	61,0	29,2	9,8
1983	284,9	143,0	43,8	471,7	60,4	30,3	9,3
1984	337,6	183,3	58,0	578,9	58,3	31,7	10,0
1985	430,5	254,3	80,9	765,7	56,2	33,2	10,6
1986	495,0	312,0	108,2	915,2	54,1	34,0	11,9
1987	582,0	379,2	147,0	1108,2	52,5	34,2	13,3
1988	744,0	475,4	176,7	1396,1	53,3	34,1	12,6
1989	810,0	441,0	195,6	1446,6	56,0	30,5	13,5
1990	830,0	451,7	298,6	1580,3	52,5	28,6	18,9
1991	941,5	559,4	382,7	1883,6	50,0	29,7	20,3
1992	1099,4	808,0	467,6	2375,0	46,3	34,0	19,7
1993	1427,0	1307,2	528,5	3262,7	43,7	40,1	16,2
1994	1862,3	1704,2	1042,2	4608,7	40,4	37,0	22,6
1995	2361,4	2001,9	1245,2	5608,5	42,1	35,7	22,2
1996	2836,0	2291,3	1257,6	6384,9	44,4	35,7	19,7
1997	3125,3	2494,1	1516,0	7135,4	43,8	35,0	21,2
1998	3337,8	2840,6	1522,3	7700,7	43,3	36,9	19,8
1999	3564,8	2985,5	1616,0	8166,3	43,6	36,6	19,8
2000	3910,6	3291,8	2063,4	9265,8	42,2	35,5	22,3
2001	4305,5	3721,4	2202,4	10229,3	42,1	36,4	21,5
2002	4813,6	4350,0	2694,8	11858,4	40,6	36,7	22,7
2003	5251,6	5556,7	3628,8	14437,1	36,4	38,5	25,1
2004	5950,1	7047,7	4910,3	17908,1	33,2	39,4	27,4
2005	6835,3	8877,4	6264,8	21977,5	31,1	40,4	28,5
2006	7914,5	10999,8	7759,8	26674,1	29,7	41,4	29,1
2007	9357,2	13732,4	9368,7	32452,3	28,8	42,3	28,9
2008	11483,0	17282,8	10039,5	38805,3	29,6	44,5	25,9
2009	13267,8	22459,9	8203,0	43930,7	30,2	51,1	18,7
2010	15699,8	25168,4	10702,3	51570,5	30,4	48,8	20,8
2011	18391,8	30239,6	12324,1	60955,5	30,2	49,6	20,2
2012	21030,7	37467,5	12935,9	71434,1	29,4	52,5	18,1
2013	23781,0	44707,4	13719,4	82207,8	28,9	54,4	16,7

Источник: Составлено и рассчитано по: Краткая статистика Китая 2013 [Чжунго тунцзи чжайяо 2013]. Пекин, 2013. С. 49, 154; Жэньминь жибао. 25 февраля 2014; Хайгуань тунцзи. 2013. № 12. С. 3.

В корректировке структуры общественного производства одной из наиболее сложных и в то же время неотложных проблем является сокращение избыточных производ-

ственных мощностей. 15 октября 2013 г. Госсовет КНР обнародовал «Руководящие принципы решения проблемы серьезного избытка производственных мощностей», где были выделены отрасли, ситуация в которых наиболее критична. На конец 2012 г. коэффициент использования имеющихся мощностей в производстве цемента составлял лишь 72%, в выплавке электролитического алюминия 73,7%, производстве оконного стекла 71,9%, судов — 75%, выплавке стали — 73,1%. Классическим примером может служить ситуация со сталью, мощности по выплавке которой с 300 млн т в 2003 г. выросли до почти миллиарда тонн в 2012 г. Поставлена задача сократить эти мощности на 80 млн т в течение пяти лет. Однако ее выполнение представляется весьма непростым делом из-за отчаянного противодействия местных властей, для которых сталелитейные производства нередко служат основным источником налоговых доходов. Так, завод, выплавляющий миллион тонн стали в год, платит 300–500 млн юаней налогов, что эквивалентно всем доходам обычного уезда³⁴.

Еще одна проблема, порожденная той же причиной — невыполнение решений правительства о концентрации производства. Например, пятилетним планом намечено в 2015 г. сосредоточить 90% выплавки алюминия в 10 крупнейших компаниях, однако пока их доля менее 40%³⁵.

В китайской печати высказывались предположения, что правительство КНР предпримет дополнительные меры по обеспечению приоритетов государственной промышленной политики, реорганизации промышленности и закрытию избыточных мощностей. Однако, судя по сообщениям зарубежных СМИ, подчас власти оказывались вынуждены вновь запускать уже остановленные производства в интересах сохранения финансовой и социальной стабильности на местах.

Показательно, что по итогам заслушивания на заседании Постоянного комитета ВСНП 25 декабря 2013 г. доклада главы Комитета развития и реформ Госсовета КНР Сюй Чжаоши о ходе реализации Программы XII пятилетки был сделан вывод, что «подвижки в структуре экономики в желаемом направлении замедлились. Модель экономического роста, опирающаяся на наращивание инвестиций, не претерпела коренных изменений»³⁶.

Реализация еще одного целевого ориентира структурных сдвигов в экономике — развития новых стратегических отраслей — в решающей степени зависит от наращивания *научно-технического потенциала* Китая и внедрения его достижений в производство. За период с 2006 г., когда руководство страны поставило задачу постепенного превращения Китая в инновационное государство, доля расходов на НИОКР в ВВП выросла в полтора раза и в 2013 г. превысила 2%. Вдвое возросли затраты на каждого занятого в фундаментальных исследованиях. Вместе с тем, сущностные, прорывные подвижки менее впечатляющие. Так, ключевой показатель инновационности — индекс вклада научно-технического прогресса в экономический рост — вырос в 2012 г. по сравнению с 2005 г. всего на одну пятую, а индекс роста доли доходов от реализации новой продукции — на 11,5%³⁷.

Одной из причин относительно медленных сдвигов в увеличении роли научно-технического прогресса как фактора экономического роста страны в самом Китае считают все еще недостаточный уровень расходов на НИОКР в высокотехнологичных отраслях. Если в мире в среднем на них направляется не менее 5% доходов от реализации продукции, а в США в таких сферах, как биология и медицина, это показатель превышает 15%, то в КНР эта величина заметно ниже: 2,18% в транспортном оборудовании (включая авиацию и космонавтику), 1,86% в приборостроении и 1,63% в медицинской технике. На наш взгляд, определенным изъяном, препятствующим систематическому достижению крупных прорывов в науке и технике, является и сама чрезмерно практичная структура расходов на НИОКР: в 2012 г. 83,9% всех расходов пошли на опытно-конструкторские разработки, 11,3% — на прикладные исследования и только 4,8% — на фундаментальные исследования³⁸. Здесь Китаю явно нужна стратегия дальних горизонтов.

* * *

Таким образом, можно констатировать, что трансформация модели экономического роста в Китае представляет собой масштабную и весьма трудную задачу, реализация которой займет, как минимум, все следующее десятилетие. Представляется, что попытки руководства страны сохранить высокие темпы роста, объясняемые необходимостью обеспечить приемлемый уровень занятости и социальной стабильности, но, несомненно, питаемые также и глобальными амбициями Китая, сами по себе оказывают тормозящее воздействие на процесс смены модели роста. Пока мы имеем основания говорить не о кардинальных сдвигах, а, скорее, о некоторой модификации соотношения факторов роста. Дойдет ли дело до подлинно глубоких изменений и когда именно, покажет время.

1. Краткая статистика Китая 2014 [Чжунго тунцзи чжайяо 2014]. Пекин, 2014. С. 23.
2. Для лучшего понимания различия между двумя категориями приведу неоднократно дававшееся в различных публикациях авторское определение понятия «модель экономического развития»: Рассматриваемая в политико-экономическом аспекте, **модель развития** представляет собой совокупность базовых особенностей социально-экономического бытия страны, определяемых ее экономическим прошлым и настоящим (уровень развития, масштабы и структура народного хозяйства), природными, трудовыми, финансовыми ресурсами, реально преследуемыми руководством страны целями развития, глубиной и формами взаимодействия национальной экономики с мировым хозяйством. В качестве важнейших компонентов модель включает: стратегию социально-экономического развития, тип экономического роста (экстенсивный или интенсивный), ту или иную комбинацию факторов роста, доминирующие особенности функционирования и вектор эволюции хозяйственного механизма, социальные параметры экономики (занятость, степень неравномерности распределения доходов, их уровень и структура использования и т.п.), специфику взаимодействия экономики с политическими институтами, общественной идеологией, ведущими традициями страны (*Портяков В.Я.* Экономическая реформа в Китае (1979–1999 гг.). М.: ИДВ РАН, 2002. С. 128.
3. Тем не менее, подчас строгое разграничение двух этих категорий не проводится. Так, одна из немногих добротных отечественных работ, анализирующих именно экономический рост в Китае, носит «комплексное» название «Экономический рост КНР. Изменение модели развития (1993–2009 гг.)» (автор — В.В. Лапердина). Работа издана в Институте экономики РАН в 2011 г.
4. Краткая статистика Китая 2013. С. 22.
5. Особое влияние событий в самом Китае и в мировой экономике в 2003 г. на формирование экономической политики четвертого поколения лидеров КНР было, в частности, детально рассмотрено в лекции профессора Чжан Яньшэна из Комитета развития и реформ Госсовета КНР, с которой он выступил 22 сентября 2013 г. перед делегацией российских специалистов по БРИКС.
6. См.: *Юань Шиман*. Чжунго чжицао дэ «яофан» [«Лекарство», произведенное в Китае] // Синьхуа юэбао. Пекин, 2013. Сент., ч. 2. С. 33.
7. См.: XII пятилетняя программа экономического и социального развития Китайской Народной Республики [Чжунхуа жэньминь гунхэго гоминь цзинцзи хэ шэжуй фачжань ди шиэр унянь гуйхуа ганъяо]. Пекин, 2011. С. 1, 6–11.
8. China 2030: Building a Modern, Harmonious and Creative High Income Society. Conference Edition. Washington, 2012. 468 p.
9. *Li Keqiang*. Address on China's Current Economy at the 16th National Congress of Chinese Trade Unions // Beijing Review. 2013. 21 Nov. Supplement. P. 1–4.
10. *Ма Гуанъюань*. Китайская экономика прощается с эпохой «8-процентного роста» // Китай. Пекин, 2013. № 8. С. 30.
11. *Ван Жэньгуй, Ши Сишэн, Цзяо Сюйюй*. На следующий год в экономике вновь надлежит «повышать качество и контролировать риски» [Миннянь цзинцзи чунцзай «ти чжи кун сянь»] // Ляован. Пекин, 2013. № 51. С. 12.
12. Решение ЦК КПК о некоторых важных вопросах всестороннего углубления реформы [Чжунгун чжунъян гуанъюй цюаньянь шэньхуа гайгэ жогань чжунда вэньти дэ цзюедин]. Пекин, 2013. 60 с.
13. Ляован. 2013. № 51. С. 12.
14. См.: *Ли Кэцян*. Доклад о работе правительства. 05.03.2014.

15. Лю Шучэн. Экономический рост в Китае от высоких темпов переходит к средневысоким [Чжунго цзинцзи цзэнчжан ю гаосу чжуаньжу чжун гаосу] // Цзинцзисюэ дунтай. Пекин, 2013. № 10. С. 4–6.
16. Анализ и прогноз экономической ситуации в Китае в 2014 г. [2014 нянь Чжунго цзинцзи синши фэньси юй юйцзэ]. Пекин, 2014. С. 64, 56.
17. Лю Шучэн. Указ. соч. С. 7–8.
18. Анализ и прогноз экономической ситуации в Китае в 2014 г. С. 5.
19. Прогноз экономического роста Китая на десять лет (2014–2023) [Чжунго цзинцзи шинянь чжаньван]. Пекин, 2014. С. 41.
20. Статистическое коммунике о народнохозяйственном и социальном развитии Китайской Народной Республики в 2013 г. // Жэньминь жибао. 2014. 25 февр.
21. Ляован. 2013. № 51. С. 13.
22. Прогноз экономического роста Китая на десять лет. С. 41.
23. Именно такую точку зрения высказал известный ученый-экономист Вин Тай У (Wing Thye Woo) на презентации в Париже 4 сентября 2012 г. книги «A New Economic Growth Engine for China. Escaping the Middle-Income Trap by Not Doing More of the Same» (Singapore, 2012).
24. Ляован. 2013. № 51. С. 12.
25. Краткая статистика Китая 2013. С. 10, 102, 105, 110.
26. В частности, данная ситуация была детально рассмотрена в выступлении Го Цзаньняня (Юго-Западный финансово-экономический университет, Чэнду) на Круглом столе «Смещение фокуса мировой экономики в Азию — вызовы для Китая, России и ЕС», который был проведен в Москве 6 июня 2014 г. Фондом Фридриха Эберта и Институтом Дальнего Востока РАН.
27. Ван Сяолу. Преувеличены ли размеры серых доходов? [Хуйсэ шоуужу бэй куада лэ ма?] — National Economic Research Institute, China Reform Foundation. 2011. URL: <http://www.neri.org.cn/document/201204164011375191.pdf>. Дата обращения 11.06.2014.
28. Цит. по: A New Economic Growth Engine for China... P. 22.
29. Прогноз экономического роста Китая на 10 лет... С. 41.
30. Анализ и прогноз экономической ситуации в Китае в 2014 г. С. 156–157.
31. Чжан Сяолэй. Инвестиции и потребление: что является источником экономического роста [Тоуцзы юй сяофэй: шэньмо ши цзинцзи цзэнчжан юаньцзоань?] // Вэньхуй бао. Шанхай, 2013. 19 авг.
32. По итогам ревизии, проведенной Национальным контрольно-ревизионным управлением КНР в августе—сентябре 2013 г., на середину 2013 г. прямая задолженность правительств всех ступеней в Китае составила 20,7 трлн юаней (9,81 трлн — долговое бремя центрального и 10,89 трлн юаней — местных правительств). Кроме того, объем гарантий правительств по различным долгам составил 2,93 трлн юаней (в т.ч. 2,67 трлн — местных правительств), а объем обязательств по санации — 6,65 трлн юаней. — URL: <http://russian.people.com.cn/31518/8501320.html>. Дата обращения 31.12.2013. Самым тяжелым в плане погашения обязательств для местных правительств является 2014 г., когда предстоит выплатить около 21,9% общей задолженности, и 2015 г. с выплатой 17,06% задолженности. URL: http://finance.people.com.cn/n/2014/0610/c/004_25126714.html. Дата обращения 11.06.2014.
33. Прогноз экономического роста Китая на 10 лет... С. 130–131.
34. Deng Yaqing. Making Too Much. To achieve healthy and efficient growth, China must tackle overcapacity // Beijing Review. Beijing, 2013. 31 Oct. P. 32–33.
35. Lan Xinzheng. Too Much Metal. Non-ferrous metal giant's financial losses linked to overcapacity // Beijing Review. 2013. 14 Nov. P. 36–37.
36. Комитет развития и реформ — модель экономического роста, опирающаяся на инвестиции, не претерпела коренных изменений [Фагайвэй — тоуцзы ладун цзинцзи цзэнчжан моши мэй ю дэдао гэньбэнь гайбянь]. URL: http://npc.people.com.cn/n/2013/1225/c14576_23946559.html. Дата обращения 26.12.2013.
37. Инновационный индекс Китая составил в 2012 г. 148,2 пункта [2012 нянь Чжунго чуаньсинь чжишу вэй 148,2]. URL: http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/201402/t20140218_512606.html. Дата обращения 19.02.2014.
38. Прогноз экономического роста Китая на 10 лет... С. 167–169.